

Линь Цзинь вдруг вспомнил слова второго брата, говорившего, что Цэнь Цзибай слишком хитер и жесток: «Если кто-то открыто заносит над тобой меч, это, конечно, ненавистно, но если он обманом заставляет тебя опустить оружие первым, разве это не ещё хуже?» Линь Ду опасался, что рано или поздно Цэнь Цзибай обернётся против семьи Линь, чтобы вернуть себе этот стратегический рубеж на севере. «Семья Линь верна только Северным землям».

И Сяхоу Лань, и Ли Му, хоть в повседневных делах и подчинялись Линь Цзиню, имели лишь одного господина — Цэнь Цзибая. Линь Цзинь спрашивал себя: он считал Цэнь Цзибая самым близким, самым надёжным человеком, открывал ему душу, относился с предельной искренностью, не строил защит и не таил опасений... Но что Цэнь Цзибай думал о нём — этого Линь Цзинь действительно не понимал...

О чём размышлял Цэнь Цзибай, он никогда ему не рассказывал.

Цэнь Цзибай знал, что его провокация в Юньчжане разозлит Линь Цзиня.

Но иного выхода не было. Линь Цзинь следовал за ним по пятам слишком плотно, не оставляя возможности для более разумных приготовлений.

Разозлить Линь Цзиня было даже к лучшему. Если бы он продолжал сближаться с ним, то непременно нашёл бы способ отрезать Линь Цзиню путь в армию, пустив в ход любые средства. Так что лучше покончить с этим сейчас...

Положение, в котором находилось царство Ся, не позволяло ему потакать своим желаниям и уходить служить в Шэшэн. А если северные ди потерпят сокрушительное поражение, у них не останется сил для новых набегов, и гибель Линь Цзиня в засаде, случившаяся в прошлой жизни, будет предотвращена.

Цэнь Цзибай считал, что его поступок — лучшее, что он мог сделать для Линь Цзиня. Когда ему вновь приснится третий брат, он сможет сказать ему: семья Линь в порядке, и Линь Цзинь в этой жизни тоже будет жив и здоров — словно свободный орёл, парящий над северо-западными нагорьями.

Последующие события развивались предсказуемо: Ду Жухуэй действительно самовольно покинул свой пост — в то самое время, когда северные ди, измученные засухой, могли в любой момент двинуться на штурм.

Линь Цзинь допросил нескольких сборщиков трав и снова получил от У Чжо донесение: у внешних склонов гор Ляньюнь замечено большое войско северных ди. А Ду Жухуэй, в своём легкомыслии, даже разведчиков не высылал.

Главная задача заставы Ляньюнь заключалась в том, чтобы, пользуясь близостью к степи Чёрной Реки, своевременно узнавать о передвижениях на севере. Но разведчики Ду Жухуэя за последние два года не заходили дальше вершин Ляньюнь, откуда лишь обозревали окрестности. Линь Цзинь пришёл в ярость, сменившуюся глубочайшим разочарованием. Когда он взял на себя командование обороной заставы Ляньюнь и увидел, на что способны солдаты, его чуть не хватил удар.

Боеспособность гарнизона заставы Ляньюнь нельзя было назвать откровенно плохой, но с северными ди им было не сравниться. А до того, что Линь Цзинь считал элитой семьи Линь, им было очень и очень далеко.

Линь Цзинь немедленно выслал разведчиков. Северные ди шли сотысячным войском, но

разведка доложила лишь о пятидесяти тысячах, приближающихся к заставе. Оставшиеся пятьдесят тысяч, как и говорил У Чжо, скорее всего, уже были в горах.

Ждать подкрепления было некогда.

Линь Цзинь мог собрать всего шестьдесят тысяч. К тому же противник шёл отчаянно, с голодным блеском в глазах, с готовностью стоять насмерть — их боевой дух наверняка куда выше, чем у изнеженных долгим миром солдат Юньчжоу.

Утром двенадцатого августа Линь Цзинь собрал военный совет командиров заставы Ляньюнь. Ду Жухуйи непрерывно вытирал пот со лба. Он, конечно, не совсем забросил разведку — просто, жалея людей, посылал мало дозоров и недалеко. У заставы Ляньюнь уже много лет не видели северных ди. Он не мог понять, из-за чего третий молодой господин так вспыхнул. Если бы те действительно подошли к заставе, он бы уж точно заметил.

Ведь там всего-то пятьдесят тысяч. Тридцать тысяч защитников, заперев ворота наглухо и устроив засаду на склонах ущелья, могли обрушить на них камни и стрелы, обратив северных ди в бегство и перебив по дороге.

Но перед ним был сын маркиза Динбэй, будущий маркиз или главнокомандующий северо-запада, предъявивший родовой знак семьи Линь, равный личному присутствию самого маркиза. Ду Жухуэй не мог ослушаться.

Цэнь Цзибай не успел изложить свой план — Линь Цзинь разработал стратегию, почти в точности совпадавшую с его замыслом.

Для Ду Жухуэя, погубившего армию семьи Линь, Линь Цзинь сделал максимум возможного — позволил ему пасть в бою за заставу Ляньюнь.

Линь Цзинь велел Цэнь Цзибаю отступать на юг, в Цинчжоу, к Линь Юаню, но тот наотрез отказался.

Именно из-за этого отказа гнев Линь Цзиня растаял, и в спешке он даже принялся его уговаривать. Цэнь Цзибай молчал, твёрдо решив не оставлять в живых ни одного из нападавших северных ди, а лучше всего — собственноручно отрубить голову Угуаню. Линь Цзинь, не видя иного выхода, взял его с собой.

Передовые отряды северных ди вышли к заставе Ляньюнь, но не спешили атаковать, дожидаясь подхода основных сил. С одной стороны, их задачей было отвлечь внимание коменданта, чтобы тот начал готовить засаду, — мол, они намерены штурмовать заставу. С другой — если бы все пятьдесят тысяч появились у стен разом, это могло бы вызвать у Ду Жухуэя подозрения. Поэтому они сначала выдвинули десять тысяч, чтобы завлечь его.

Однако Ду Жухуэй клюнул сразу же, тут же выслав десять тысяч конницы в атаку. Десять тысяч на десять тысяч, и Ду Жухуэй, должно быть, устав от горных переходов, был наголову разбит и отступил. Северные ди, опасаясь ловушки в ущелье Ляньюнь, не стали его преследовать.

Но защитники заставы Ляньюнь и местные жители запаниковали, стали спешно собирать пожитки и побежали прочь.

На самом деле бежали лишь мирные жители. Линь Цзинь разместил двадцать пять тысяч воинов в лесу к югу от городских стен.

Согласно донесениям У Чжо, северные ди должны были выйти с восточной стороны, а командиры заставы Ляньюнь устроили засаду на западной. Ду Жухуэй с двумя тысячами бойцов остался защищать заставу, полагая, что Линь Цзинь отправился в ущелье Ляньюнь.

Начало битвы повторило события прошлой жизни: Ду Жухуэй не дождался подмоги от Линь Цзиня и пал на стенах заставы Ляньюнь.

Северные ди, узнав о бегстве защитников заставы, обыскали ущелье Ляньюнь и, убедившись, что там никого нет, впустили своих конников в городок Ляньюнь.

Солдаты и жители бежали в такой спешке, что по дороге на Юньчжан роняли ценности и пожитки, а большую часть зерна и скота оставили в городке. После осеннего урожая Юньчжан и другие города всегда отправляли провизию в заставу Ляньюнь, и для изголодавшихся за полгода северных ди заставка показалась настоящим раем.

Даже если бы их не гнал голод, пятьдесят тысяч пехотинцев, три дня карабкавшихся через горы Ляньюнь и уже успевших поучаствовать в бою, неминуемо нуждались в отдыхе. Тем более в этой жизни Ду Жухуэй сначала потерпел поражение, а затем погиб, создав у северных ди иллюзию, что защитники заставы Ляньюнь — просто картонные солдатики.

В ту ночь, готовясь к походу на Юньчжан, северные ди и не думали, что во время самого сладкого сна десять тысяч пехотинцев взберутся на склоны ущелья Ляньюнь и завалят узкий выход.

Затем Линь Цзинь разделил оставшиеся девять тысяч пехотинцев, и те сбросили с гор Ляньюнь горящие факелы, поджигая весь городок.

Северные ди в панике бросились врассыпную. Часть из них прорвалась через южные ворота, где их встретили и перерезали тридцать тысяч защитников из Юньчжана и других городов. Полководец Угунай, поняв, что попал в ловушку, повёл основные силы к выходу из ущелья, но наткнулся на каменные завалы. Ещё страшнее было то, что с обоих склонов ущелья на них летели кувшины с маслом и горящие факелы. Угунай, не раздумывая, ринулся обратно к заставе Ляньюнь. Прорваться через это море огня — и был бы шанс вернуться в степь Чёрной Реки.

С южной стороны заставы Ляньюнь кольцо северян неумолимо сжималось. Даже если их боеспособность и уступала прежней, Угунай с его сильно обожжёнными и обессилевшими воинами никак не мог им противостоять. В отчаянии он бросился в ещё более яростную сечу — звание главнокомандующего, пожалованное ему северными ди за эти годы, было не пустым звуком. Ему действительно удалось врубиться в ряды противника и натянуть тетиву, целясь в юношу на белом коне.

Линь Цзинь не заметил эту стрелу, но Цэнь Цзибай выпустил свою, расколов стрелу Угуная пополам.

За сотни лет сражений с армией семьи Линь у северных ди выработалась привычка: все лучшие стрелки целились в командующих из рода Линь. Даже проигрывая битву, они уносили с собой на тот свет вражеского полководца.

На этот раз Угунай не знал наверняка, сражается ли он с людьми семьи Линь, но его стрелы, словно обезумев, летели в Линь Цзиня, а те из его воинов, у кого ещё оставались силы натянуть лук, тоже открыли стрельбу.

<http://bllate.org/book/15933/1424100>